

ПИСЬМО И ГУМАНИЗМ

Как показывает опыт, не бывает людей, не способных писать. Даже если их письмо не будет изощренным, оно, по крайней мере, может быть письмом автоматическим.

Считается, что автоматическое письмо было изобретено Андре Бретоном и Филиппом Супо, но не является ли его подлинным первооткрывателем Мишель Монтень? Случайно ли вместе с тем, что Монтень выступает одним из ярчайших выразителей идей Возрожденческого гуманизма, а Бретон и Супо работали над своим изобретением в парижском «Отеле Великих Людей»?

Механическая рука, однажды пущенная в ход безвестным инженером, продолжает свои манипуляции, несмотря на то, что ее стальные пальцы захватывают пустоту, не производя никаких изменений в наличной действительности. Мы все равно признаем, что она «работает», даже если ее функционирование сводится к чистому обозначению работы. Так же и письмо может с полным правом называться автоматическим, если оно продолжается вне зависимости от того, указывает ли оно на что-либо реальное. Такое письмо не нацелено на извлечение опыта, целиком полагаясь на волю случая. Автоматической будет не только запись бессознательного бреда, но и запись потока обыденного сознания, запись повседневности – того, что никоим образом не произведено, а было, есть и будет, но что имеет шанс быть замеченным единственно благодаря тому, что оказалось записанным.

Автоматическое письмо разворачивается в безыскусных заметках живых журналов и социальных сетей, и впервые оно оставило свой след не на страницах «Магнитных полей» Бретона и Супо, а в «Опытах» Монтеня, своего рода, живом журнале эпохи Возрождения. С чем еще сравнить это собрание исторических анекдотов и обрывков воспоминаний, перемежаемых вполне банальными нравоучениями, которые в то же время не претендуют на авторитет всеобщего морального закона и даже не имеют силы заповедей для самого их автора? Последняя глава заметок Монтеня жестоко разочарует того, кто ищет в ней каких-либо глубокомысленных философских выводов. Монтень скромно позволяет самим читателям извлекать опыт из своих писаний и тут же делает эту задачу невозможной, нагромождая на нескольких страницах целый ворох прямо противоречащих друг другу заявлений. Убийственное противоречие заключается в том, что, с одной стороны, признается достойной и даже необходимой жизнь в согласии с законами природными и социальными, а, с другой стороны, заведомо тщетной объявляется любая надежда на их установление. Наибольшее, чего можно требовать от каждого из нас, – это «понять, что ты по сути своей своей глуп». Потому «просто жить – не только самое главное, но и самое замечательное из твоих дел». Затем через несколько строк Монтень напоминает, что «лучшее наше творение – жить согласно разуму», которого, как он же намекал чуть выше, у нас «по сути» нет.

Запись пронизанного «здравым смыслом» обыденного сознания с его неспособностью дать последовательно развернуться хотя бы одной мысли является действительно автоматической во всей ее абсурдности. По отношению к ней абсурдность искусственных попыток ухватить поток чистого опыта, избавленного от результатов оформляющей его деятельности рассудка, целиком избыточна. Опыт авторов «Магнитных полей» и Монтеня равнозначен в том, что он не обращается немедленно в ничто, лишь в силу того, что оказался записанным. В нем самом нет ничего такого, что придавало бы ему значимость, кроме абсолютно немотивированного акта его записи. По правде говоря, самого этого опыта нет: из текстов Монтеня и Бретона-Супо нельзя ничего извлечь, в них ничего не утверждается, они ничему не учат. Ввиду их вопиющей бессвязности *в них* нет смысла. Подобно событиям жизни «обычного человека», приобретающим значимость лишь постольку, поскольку им посчастливилось быть зафиксированными в его дневнике, «Опыты» Монтеня и «Магнитные поля» Бретона-Супо претендуют на осмысленность только благодаря тому, что являют собой зримые следы акта записи, они значат что-то лишь постольку, поскольку обозначают работу означивания. Это набор означающих, каждое из которых отсылает исключительно к самому набору, своего рода, алфавит.

Как языковое сообщество конституируется на основе владения языком, безотносительно к тому, о чем на данном языке говорится, так же и сообщества поклонников Монтеня или сюрреалистов формируются исключительно на основе признания текстов Монтеня или Бретона. Их произведения невозможно ценить за то, что они лучше других выражают что бы то ни было, учат чему-нибудь полезному, открывают ту или иную истину – ничего такого оттуда извлечь невозможно, эти тексты не имеют предмета отличного от них самих.

Монтень, все же, упорно стремится создать впечатление, что вне себя «Опыты» имеют хотя бы один определенный предмет – это сам Монтень. Но чем, собственно, он отличается от остальных представителей своей эпохи или даже всех людей вообще? В чем он сам видит свое особое достоинство и отличие? «В жизни Цезаря мы не найдем большего числа поучительных примеров, чем в нашей собственной», а в жизни автора «Опытов» самое поучительное то, что ему пришло в голову их написать. Он раз за разом напоминает об этом читателю, постоянно подчеркивая, что все на страницах его книги является не более чем выражением скромного мнения обычного человека. Его особое достоинство и даже величие заключается ровно в том же, в чем достоинство и величие любого другого:

Себя считаешь человеком ты, –
И в этом – божества черты.

Таков основной тезис гуманизма, который Монтень приводит в конце своего сочинения, цитируя Плутарха. Достоинство и едва ли не божественное величие человека заключается в том, что он именуется себя человеком. Кто именуется себя человеком, и есть человек.

Данная гуманистическая формула нуждается в некотором пояснении и уточнении. Подлинный гуманист не просто громогласно объявляет человека

высшей ценностью, но и постоянно разоблачает ложные трактовки человеческого, унижающие его достоинство. Для гуманиста унижительно и несправедлива любая трактовка человека, стремящаяся отыскать его сущность и дать ей однозначное определение. Человек не может быть идентифицирован по своему внешнему образу, исходя из каких бы то ни было физиологических характеристик – в этом гуманизм усматривает начало самого примитивного расизма, который низводит до уровня животных всех, кто имеет не тот цвет кожи, разрез глаз или форму черепа. Нельзя сводить человека и к его разумной природе, ведь искусство, религия и многие другие прекрасные и возвышенные феномены культуры иррациональны. Не может человек определяться и через свою социальность, например, как «политическое животное», ведь, с некоторой романтической точки зрения, общество скорее подавляет и нивелирует неповторимую индивидуальность каждого из его членов, являющуюся отличительным признаком человеческого.

Человек – это всегда нечто индивидуальное, не подпадающее под общие определения, а значит, не имеющее какой-то одной четко очерченной природы. Гуманист непрестанно ведет борьбу за это право человека не иметь предзаданного образа и сущности. С его точки зрения, человек – это всякий и каждый, кто вступает в бесконечную тяжбу со всеми остальными за право называться человеком. Человек – это тот, кто безотносительно к своему образу и способу существования закрепляет за собой звание человека. «Человек» – это знак, каждый раз меняющий свое значение в зависимости от того, кто его записывает, и, соответственно, человеческое достоинство придается индивиду уже самим актом его закрепления за собой, актом самоименования. Гуманизм состоит в том, чтобы чествовать всякого, кому довелось собственноручно зарегистрироваться в гостевой книге «Отеля Великих Людей». Монтень, а затем Бретон и Супо автоматизировали процесс регистрации, сделав ее окончательно общедоступной.

Означивание, письмо, совершающееся автоматически даже в отсутствие хоть сколько-нибудь значимого означаемого, и есть собственно человеческая способность; ее задействование рождает человека, который есть не больше и меньше, чем свое собственное имя.